

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. пол. наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения ВГУЭС

Насакова Бальжит Баясхалановна, сотрудница Министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края, выпускница Института международных отношений и социальных технологий ВГУЭС

Российский Дальний Восток как объект внешней культурной политики Японии и Китая

На формирование общественного сознания Дальнего Востока России напрямую влияют как удаленность региона от исторического центра, так и соседство с восточноазиатскими странами, располагающими развитой национальной культурой. Международные культурные связи, с учетом повышения роли информации в современном мире, все чаще становятся результатом целенаправленной политики соседних стран, поэтому для понимания перспектив социокультурного развития дальневосточного региона важно дать этим процессам адекватную оценку. В настоящей статье рассматриваются инструменты и результативность культурного воздействия Японии и Китая, основных акторов международных отношений в Северо-Восточной Азии, на пограничные с ними российские регионы¹.

Цели культурной активности Японии и Китая относительно России в целом и российских регионов в частности принципиально различаются между собой. Для Японии традиционно важную роль играет спор о «северных территориях». Тревожающим фактором последних лет стал рост экономического влияния Китая, занимающего на Дальнем Востоке России около трети внешней торговли и выдавливающего японские фирмы с местного рынка; чрезвычайно беспокоят ее попытки Китая получить доступ к российским природным ресурсам, прежде всего, к энергоносителям. Некоторую актуальность для Японии имеет

¹ В статье использованы интервью и другие материалы, собранные в ходе работ по гранту Президента России МК-987.2005.6 «Общественное мнение Дальнего Востока о внешней политике и международных отношениях РФ». Должности респондентов указаны по состоянию на 2006 год.

формирование в России негативного общественного мнения в адрес ядерной программы Северной Кореи.

Для Китая существенной международной проблемой остается негативный имидж нарушителя авторских прав, источника массовой нелегальной миграции, авторитарного государства. Данное обстоятельство неважно для мелких фирм, ориентированных на быстрый оборот товаров и денежных средств, действующих в теневом секторе. Но в политическом плане это мешает полноценному вхождению страны в круг развитых держав мира, а в экономическом — проникновению на зарубежные рынки крупных китайских компаний. В частности, в России негативное отношение к Китаю и китайцам может приводить к саботажу решений, принимаемых на высшем уровне, к придиркам и поборам со стороны местных властей, что, среди прочего, затрудняет вышеупомянутую конкуренцию за российские природные ресурсы.

На протяжении десятилетий Япония обладает намного более солидными ресурсами «мягкой силы», чем любая азиатская держава. Будучи ограничена в традиционных военно-политических средствах, культурной составляющей внешней политики она придает важное значение. Гранты, финансовая поддержка неправительственных организаций, проведение массовых мероприятий помогают внешней политике Японии заручиться поддержкой населения стран, входящих в сферу ее интересов. В числе организаций, работающих над популяризацией японской культуры за рубежом, наиболее известной является Японский фонд, который действует под руководством МИД Японии. Географически сфера его деятельности весьма широка и охватывает более 190 стран².

В России японская культурная политика, сравнивая по активности с американской и немецкой, опирается на разветвленную институциональную базу, щедрое финансирование и богатый методический инструментарий. На Дальний

Восток России Япония изначально обратила после распада СССР пристальное внимание и около половины всех средств на гуманитарные мероприятия направляла именно туда.

Генеральные консульства Японии в Хабаровске, Владивостоке и Южно-Сахалинске и действующие под их началом Японские центры выступают главными инструментами масштабного культурного воздействия на регионы Дальневосточного федерального округа. В функции и задачи консульств входят предоставление информации о Японии, проведение культурных мероприятий в своих консульских округах, содействие сотрудничеству в области образования, науки и культуры правительственных и неправительственных организаций. Большинство мероприятий культурного характера организовываются японскими вице-консулами по культуре.

Японские центры были основаны в Хабаровске в 1994 году, во Владивостоке и Южно-Сахалинске — в 1996 году. В 2000 году под эту форму взаимодействия Японии и России была подведена более прочная юридическая база, когда министры иностранных дел двух стран подписали межправительственный меморандум о создании и деятельности на территории России Японских центров по техническому содействию проводимым в России реформам. С момента государственной регистрации эти центры приобрели всю полноту прав юридического лица.

При каждом Японском центре созданы Клубы выпускников, самостоятельные общественные организации, членами которых являются, главным образом, те, кто побывал на стажировке в Японии или обучался на семинарах центра. Клубы получают от Японских центров дотации на осуществление своей деятельности: семинары и круглые столы по вопросам бизнеса и управления, встречи с японскими бизнесменами, мероприятия по повышению уровня знаний японского языка и т.п. Консульства оказывают

² Железняк О. Японская культура в условиях глобализации // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – №3. – С.158-

некоторую поддержку общественным организациям, что особенно значимо в крупных городах, где Японские центры отсутствуют.

Определенная часть японских культурных мероприятий проходит по линии побратимского движения, рассматриваемого правительством Японии как вспомогательный инструмент внешней политики государства, а для японских региональных руководителей представляющих самостоятельную ценность. Всего до 1998 года участниками японско-российских соглашений о побратимстве стали 23 города с российской стороны, из которых 15 расположены на Дальнем Востоке³. Мацумура Эйджи, директор Представительства губернаторства Хоккайдо в Южно-Сахалинске: *«Данное представительство играет роль опоры для осуществления экономических и дружественных отношений между Хоккайдо и Сахалинской областью. <...> В консульстве [Японии в Южно-Сахалинске] существует информационный сектор, так называемый, благодаря которому они осуществляют непосредственно свою, так сказать, деятельность по распространению культуры. Но наше представительство не несет такой функции. Однако нашим представительством, совместно с администрацией Сахалинской области, с 2000 года проводится так называемый конкурс на лучшее знание японского языка, благодаря чему мы повышаем интерес жителей Сахалинской области к японскому языку. И, благодаря данной деятельности, мы думаем, что возрастает понимание жителей Сахалинской области к Хоккайдо».*

Помимо этого, проводниками культурной политики Японии выступают другие полугосударственные и негосударственные структуры, в ряду которых выделяется Японская ассоциация по торговле с Россией и Восточной Европой (РОТОБО), действующая под эгидой Министерства экономики, торговли и промышленности Японии. В настоящее время в РОТОБО входят примерно 120 членов – известные промышленные и торговые компании, банки, научные

159.

³ Итиока Масао. Региональная дипломатия в Японии. Опыт Ниигаты – от дружеских связей к оказанию помощи. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – С.23, 284-285.

институты, средства массовой информации, региональные администрации и другие организации. Основным направлением в работе РОТОБО в российских регионах стали учебные семинары, проводимые ведущими специалистами в области менеджмента и промышленной политики, консалтинг российских промышленных предприятий, прием в Японии стажеров с малых и средних российских предприятий по менеджменту и отраслевой тематике, участие в организации японских экспозиций в российских торгово-промышленных выставках. В результате данного сотрудничества при вузах Владивостока были созданы шесть учебных центров с объемом первоначальных инвестиций японской стороны в размере 31,5 млн. долларов США (центры менеджмента, передовых технологий, переработки, деревообработки, металлообработки, рыбной переработки)⁴.

Прочная институциональная база обуславливает широкую географию японских культурных мероприятий. В Сахалинской области, в Хабаровском и Приморском краях, самых важных для Японии регионах Дальневосточного федерального округа, они считаются будничным делом, однако и удаленные территории не остаются неохваченными. Например, «Фестиваль японской культуры в России – 2003», где японские консульства выступали главными медиаторами и организаторами, охватил все крупные населенные пункты Приморского и Хабаровского краев, Республики Саха, Сахалинской, Камчатской и Магаданской областей. В феврале 2003 года прошла Неделя Японии на Камчатке, в административном центре которой были проведены конкурсы икебаны, конкурсы эссе и коротких посланий на японском языке префектуры Симанэ; викторина о Японии развернулась на страницах местных газет, а в подарок победители получили японские сувениры⁵.

⁴ Приветствие вице-губернатора Приморского края В.В. Горчакова на открытии мероприятия «Бизнес в Приморье и развитие российско-японских отношений» от 20 мая 2003 года [Рукопись]. – Владивосток, 2003.

⁵ Фестиваль японской культуры «Вишневый цвет – 2003» // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. – М., 2003. – Режим доступа: http://www.rian.ru/rian/intro.cfm?nws_id=338875.

Актуальность проводимых японской стороной мероприятий порождает встречный интерес российских участников. Не ограничиваясь традиционным содержанием культурных обменов, японская сторона делает акцент на деловом образовании. Главными направлениями работы Японских центров стали содействие торгово-экономическому сотрудничеству между Японией и российским Дальним Востоком и предоставление информации о Японии, знакомство российского населения с японской культурой. Для выявления потребностей российской стороны перед принятием рабочих планов ежегодно проводятся российско-японские консультации, в ходе которых стороны определяют приоритетные направления деятельности на предстоящий год. Кроме того, регулярно происходит обмен мнениями с ведущими японскими организациями, занимающимися исследованиями в области экономики. Есть примеры того, что выпускники Японских центров стали руководителями успешных предприятий; они рассматриваются как потенциальные экономические союзники Японии.

Японскую культурную политику за рубежом, вообще, отличает планомерная и грамотная работа с лидерами общественного мнения, для которых организуются какие-либо привлекательные мероприятия, вроде морского круиза на борту теплохода «Русь» в рамках празднования 150-летия установления дипломатических отношений между Японией и Россией. За время путешествия делегация в составе 50 японских и 100 русских участников посетила города Хакодате и Симода, связанные с историей развития японо-российских отношений, а также всемирную выставку «ЭКСПО-2005» в префектуре Айти.

Весьма внимательно японская сторона относится к взаимодействию с региональными средствами массовой информации, причем корни данного сотрудничества уходят в перестроечные годы. Владимир Сорочан, главный редактор газеты «Советский Сахалин»: *«Они [японские консулы] пытались установить какие-то контакты и поддерживают такие контакты:*

приглашают иногда журналистов вместе пообедать, поужинать, за вином поговорить, вообще... То есть, устанавливаются отношения: «Да он же – симпатичный дядька!». То есть, когда есть симпатия на личностном уровне, тебе сложно написать что-то об этой стране, об этих людях такое, что соответствует действительности, но им это явно не понравится». Нацуи Сигэо, генеральный консул Японии в Южно-Сахалинске, по этому поводу высказался так: «Конечно, лучше избежать таких эмоциональных слов. А для этого что нужно? Для этого нужно взаимопонимание. Именно взаимопонимание. Пока не понимаешь друг друга, можно использовать такие эмоциональные слова. Но когда узнаешь, уже понимаешь не только себя, но и партнера».

Владимир Ощенко, начальник службы информационных программ ГТРК «Владивосток» (Приморское телевидение и радио): *«У нас заключен ряд вполне официальных и работающих соглашений об информационном обмене с телерадиокомпаниями Азиатско-Тихоокеанского региона. Наиболее эффективно из них работает договор об информационном обмене с японской телерадиокорпорацией «Эн-Эйч-Кей». <...> Ряд каких-то серьезных ситуаций – ну, например, недавний запуск северокорейских ракет – в общем-то, позволяет нам по этому договору делать совместные материалы. Поэтому, когда эта экстремальная ситуация произошла, ПТР, в данном случае, была единственной компанией из местных, в том числе, и из российских (потому что Москва тогда еще спала), кто первой сообщила об этих запусках. У нас была картина «Эн-Эйч-Кей», были оценки людей на улице, то есть это был совместный материал. Сейчас мы входим в примерно такую же фазу сотрудничества с другой японской компанией «ТВ Асахи»...».*

Екатерина Серикова, директор службы новостей ГТРК «Дальневосточная» (Хабаровск): *«С «Эн-Эйч-Кей» мы постоянно работаем. И нужно сказать, что вот с «Эн-Эйч-Кей» информационный обмен – он более такой, вот, любопытный. Потому что, когда небольшие компании, типа «Аомори»... Ну, то*

есть, рассказываем: они нам о своей культуре, мы им – о своей. То есть обмен такими вот группами. И он - более человеческий, скажем так. Не информационный, как таковой».

Посредством прочной институциональной и материальной базы поддерживается стабильность установленных ранее связей, инициатива которых, в большинстве своем, исходила от японской стороны. Интерес в России к японской культуре и искусству носит в последние годы устойчивый характер и не зависит от политической или экономической конъюнктуры. В период охлаждения межгосударственных отношений в 2005 году программа и объем культурных мероприятий на Дальнем Востоке России не подверглись корректировке, а, напротив, — расширились. Текущее наблюдение СМИ Приморского края показывает, что не реже одного-двух раз в месяц публикуются материалы об официальных культурных мероприятиях, проходящих под эгидой владивостокского консульства.

Эффективности внешней культурной политики Японии способствует многообразие ее направлений, включая науку, образование, искусство, спорт и др. Наиболее прочные связи с Дальним Востоком России поддерживаются в сфере науки — в основном, с Дальневосточным отделением РАН — и высшей школы, причем Япония может позволить себе не ставить целью извлечение коммерческой выгоды из реализуемых проектов или игнорировать отсутствие повышенного интереса к России со стороны японских студентов (если последние едут учиться в Россию, то предпочитают центральные вузы в Москве).

В силу географического соседства научные связи активны, прежде всего, в естественных науках (особенно в том, что касается мониторинга и предупреждения землетрясений и извержений вулканов, охраны окружающей среды в Японском море), а также в экономических исследованиях. Как правило, в отношениях с академической и университетской наукой России Япония выступает в роли грантодателя. Многочисленные исследования ДВО РАН, осуществляемые

совместно с японскими коллегами, финансируются японской стороной. Университеты Японии приглашают российских ученых на работу и на стажировки, принимая на себя финансовые затраты.

Политика в области образования реализуется посредством Японских центров и грантов на прямые связи между учебными заведениями двух стран. Основным участником образовательного сотрудничества на Дальнем Востоке России стал Факультет японоведения Восточного института ДВГУ, которому Японский фонд субсидировал закупки научной и учебной литературы в Японии, учебного оборудования, работу преподавателей — носителей японского языка, научные исследования и стажировки в Японии сотрудников факультета. Фонд поддерживает издание научной и учебной литературы, благодаря чему был опубликован целый ряд монографий и учебных пособий, подготовленных преподавателями факультета. Российским студентам предоставляются гранты на обучение и практику в Японии.

Правительством Японии приветствуется и поощряется изучение японского языка за рубежом. В России повышенный интерес к нему наблюдается в Приморье и на Сахалине, где японский язык практически в каждой школе преподается как второй иностранный или факультативный. Во всех Японских центрах с сентября по июнь каждого года проводятся языковые курсы, которые рассчитаны, главным образом, на служащих компаний, предпринимателей и бизнесменов, имеющих налаженные деловые отношения с японскими партнерами.

Японские центры приняли активное участие в реализации «Программы подготовки управленческих кадров предприятий в России», содействие которой со стороны Японии было одним из основных звеньев Плана Хасимото-Ельцина, утвержденного в 1997 году и продленного в 2003 году. Для лучших слушателей экономических семинаров и курсов японского языка организовывались стажировки в Японии, в ходе которых они знакомились с деятельностью японских предприятий и проходили углубленный курс лекций по интересующим их

проблемам экономики. К 2003 году в Японских центрах на различных курсах прошли обучение около 20 тыс. слушателей, из них 2300 человек побывали на стажировках в Японии⁶.

Следует подчеркнуть, что в японской культуре наличествуют яркие маркеры, в популяризацию которых за рубежом были вложены большие средства в прошедшие десятилетия и которые сегодня нуждаются лишь в периодической актуализации. Ввиду относительной ограниченности бытовых контактов между японцами и россиянами, японская культура ассоциируется скорее не с подробностями бытового поведения ее носителей, а с данными маркерами (суши, оригами, икебана, кимоно, манга, хайку, карате, садовое искусство и т.п.), что умело используется авторами внешней культурной политики Японии. Отметим преобладание Японии над другими азиатскими странами в сфере массовой культуры, прежде всего, кино. Хотя большинство японских кинофильмов иностранной аудитории кажутся специфическими, некоторые современные блокбастеры — «Королевская битва», «Проклятие» и другие — пользовались всемирным успехом.

В отличие от Японии, внешняя культурная политика Китая является фактом новейшего времени, подвергается разнонаправленным воздействиям, а потому с трудом поддается однозначным оценкам. Судя по корреляции экономического подъема Китая с повышением интереса к этой стране за рубежом, потенциальное или реальное доминирование Китая в мировой экономике является важнейшим условием успешного распространения знаний о его культуре. Также и политические амбиции Китая, базирующиеся на его экономических успехах, принуждают европейцев, американцев и жителей других частей света изучать китайский язык, более глубоко знакомиться с внутренним развитием страны, в том числе с ее культурной спецификой.

⁶ Деятельность Японских Центров в Российской Федерации // Японский центр во Владивостоке [Электронный

Российские регионы отстранены от принятия внешнеполитических решений, поэтому на Дальнем Востоке интерес к Китаю определяется исключительно хозяйственной конъюнктурой. Доля Китая в региональной торговле Дальнего Востока России неуклонно повышается, что создает высокий спрос на китаеведов в России и русистов в Китае. Прямым следствием этого является интенсивное сотрудничество в изучении китайского и русского языков в приграничных регионах двух стран. Главным китайским центром подготовки специалистов по России и самым активным участником взаимодействия с российскими вузами стал Хэйлунцзянский университет.

На российском Дальнем Востоке в постсоветский период заметно выросло число средних школ с преподаванием китайского языка как второго иностранного. Значительно расширилось число вузов, преподающих регионоведение Китая и китайский язык, преимущественно в городах Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Уссурийск, Биробиджан. Показательным фактом интереса к Китаю стало то, что в 2006 году курсы «Китайский язык и культура» открылись даже в Сахалинском государственном университете.

После заключения в 1995 году Соглашения о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях растет число россиян, получивших дипломы китайских вузов, и китайцев с российскими дипломами. Начали внедряться программы комплексного обучения студентов с получением дипломов двух вузов: российского и китайского. В вузах Дальнего Востока появились отделения русского языка для иностранцев, где большую часть слушателей составили китайцы (в частности, во ВГУЭС в 2006-2007 учебном году количество иностранных студентов достигло 1066 человек). Утвердилась практика приглашения российскими вузами китайских преподавателей – носителей языка. В данное сотрудничество были вовлечены не только высшие, но и средние

специальные учебные заведения, не только классические, но и технические, медицинские, музыкальные.

Ирина Кейдун, зав. кафедрой китаеведения АмГУ (Благовещенск): «Я приехала сюда в 88-ом году, сразу после окончания ДВГУ – и, приехав сюда [обнаружила, что] тут вообще практически не было специалистов с китайским языком. Приехавшие только из ДВГУ выпускники, там у нас было два человека, и военные. Военные переводчики, те, которые решили оставить военную стезю. <...> Конечно, по сравнению с тем временем, в количественном смысле кадровая ситуация улучшилась безусловно. Но вот, как мне представляется, качественный состав, качественный показатель этих специалистов – он все-таки оставляет желать лучшего. <...> Они представляют китайцев только в том виде, в каком они присутствуют у нас на рынках, где-то там на плодоовощных базах, где торгуют, и в подобных местах».

Бурное развитие сотрудничества в отдельных сферах, как правило, было нацелено на извлечение коммерческой выгоды и не являлось следствием целенаправленной государственной линии, поскольку китайское правительство Китая до начала XXI века обращало внимание лишь на экономический и оборонный аспекты внешней политики. Поэтому, несмотря на распространение на Дальнем Востоке России знаний о Китае и китайцах, общее отношение к ним на протяжении 1990-2000-х годов не менялось. Всероссийские опросы населения демонстрируют, что дальневосточники более настороженно относятся к Китаю, чем другие россияне. В ходе проведенного нами зимой 2005-2006 годов на Дальнем Востоке опроса половина респондентов назвала китайскую иммиграцию самой актуальной международной угрозой российского пограничья⁷.

В аналогичном ключе развивались связи в сфере науки. В 1990-е годы руководство КНР прилагало большие усилия к тому, чтобы привлечь российский потенциал для развития китайской экономики и подъема уровня собственных

исследований. С этой целью университеты и научные институты Китая стали приглашать на работу ученых из России. Правительство КНР поощряло проведение совместных с российскими коллегами работ, формирование двусторонних научных структур⁸. Одновременно китайские делегации несли российским коллегам предложения по реализации предпринимательских проектов: развитию бартерной торговли, открытию магазинов, ресторанов и гостиниц на базе научных институтов ДВО РАН. В итоге видимые результаты сотрудничества прослеживались только на китайской стороне. В самой же России не сформировалась прослойка ученых, ориентированных на первоочередное сотрудничество с Китаем, как это имело место быть в случае с Японией.

Усиление культурного аспекта в отношениях России и Китая было связано с заключением между ними в 2001 году Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, основополагающего документа современных двусторонних отношений. Согласно статье 16, «стороны содействуют развитию приграничного и межрегионального сотрудничества и создают для этого необходимые благоприятные условия, всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права». В 2004 году был принят План действий по реализации положений Договора на 2005-2008 годы.

Относительно 1990-х годов следует отметить, что китайское правительство, в основном, заботилось о культурном взаимодействии с центральными городами и регионами России, более населенными и менее подверженными антикитайским фобиям. Интенсификация связей с Дальним Востоком России наметилась тогда, когда президент России Владимир Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао приняли решение о проведении в 2006 году Года России в Китае, а в 2007 – Года Китая в России. Пограничные регионы приняли в этом самое активное участие.

⁷ Подробнее см.: Козлов Л.Е. Общественное мнение Дальнего Востока о внешней и внешнеэкономической политике России в АТР // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – №3. – С.70-81.

Политическая воля руководства Китая, осознавшего необходимость улучшения своего международного имиджа, несомненно, способствовала и будет способствовать активизации внешней культурной политики страны. В 2004 году министр культуры КНР Сунь Цзячжэн заявил: *«Мы разворачиваем внешние культурные обмены, исходя из коренных интересов государства. Новое коллективное руководство партии и его Генеральный секретарь товарищ Ху Цзиньтао отводят культурной дипломатии чрезвычайно важное и незаменимое место. Культурная дипломатия взаимодействует с политической и экономической, их рассматривают как три главных столпа китайской дипломатии, это важная составная часть общей внешнеполитической стратегии государства»*. Министр подчеркнул, что официальные культурные обмены под руководством государства с целью создания позитивного образа Китая будут идти параллельно с неофициальными культурными мероприятиями, которые проводят китайские коммерсанты в интересах извлечения прибыли. Он сообщил о планах властей в ближайшие 5-10 лет создать за рубежом 20-25 китайских культурных центров, призванных сыграть важную роль при формировании позитивного восприятия Китая зарубежной аудиторией⁹.

В России первой ласточкой данного процесса стал открывшийся в конце 2006 года при ДВГУ Международный институт Конфуция. На его открытии было заявлено, что в институте под руководством российских и китайских преподавателей смогут изучать китайский язык все желающие, а лучшие слушатели смогут продолжить обучение в Хэйлунцзянском университете. Предусмотрена целая серия специализированных образовательных программ для

⁸ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI веков. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – С. 180–183.

⁹ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – С. 418-421.

школьников, студентов, сотрудников организаций и предприятий, чья деятельность связана с Китаем¹⁰.

В начале 2006 года, в рамках Года России в Китае, в городе Харбин открылась китайско-российская аспирантура, инициативный проект Хэйлунцзянского университета и ДВГУ. Совместная аспирантура стала одним из проектов сотрудничества в рамках Китайско-российской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. В аспирантуре китайские и российские преподаватели вместе решают вопросы подбора учебных дисциплин и проведения семинарских занятий. После окончания аспирантуры выпускники получают конвертируемые дипломы, признаваемые ведомствами образования двух стран¹¹.

Хорошие отношения между правительствами России и Китая и специфика политического режима двух стран, где центральные средства массовой информации внимательно относятся к позиции государственной власти, облегчает китайской стороне проведение формализованной культурной политики на российской территории, реализующейся в виде крупных межгосударственных мероприятий. Консул Сюй Чжунсинь на открытии в Комсомольске-на-Амуре фотовыставки, посвященной традициям Китая: *«Я хочу привести здесь высказывание российского президента В.В. Путина о том, что российско-китайские отношения сейчас находятся на таком уровне, на котором они никогда еще не были. Этими словами, думаю, все сказано. А если мы живем друг с другом так хорошо, то должны и лучше знать друг друга. Без знания культуры это невозможно. Культурные барьеры часто мешают взаимопониманию. Культура – это универсальный язык. На выставке не вся культура представлена, конечно. Это только начало и начало хорошее. Как говорят и у вас, и у нас: «Хорошее начало – половина успеха». Будем продолжать в том же духе. Россия и*

¹⁰ Во Владивостоке открылся Международный институт Конфуция // Восток России [Электронный ресурс]. – Хабаровск, 2006. – 21 дек. – Режим доступа: <http://www.smi.khb.ru/?p=1&id=19202>.

Китай – страны с богатыми культурными традициями. Есть что показать друг другу. А наше консульство будет содействовать развитию связей»¹².

Даже беглый обзор дальневосточных средств массовой информации показывает, что китайское правительство за последние два-три года стало уделять внешней культурной политике пристальное внимание, что количество культурных акций с китайской стороны растет. Правда, география их далека от японского размаха (подавляющее большинство мероприятий Года Китая в России пришлось на Хабаровск, Владивосток и Благовещенск). Обусловлено это не только меньшими финансовыми возможностями, подводит слабая институциональная база. В Дальневосточном федеральном округе существует единственное генеральное консульство КНР в Хабаровске, в ведении которого дополнительно находятся регионы Забайкалья и Восточной Сибири.

В хабаровском консульстве за культурную сферу ответственен политический отдел. Владивостокское отделение консульства, открытое в 2005 году, занимается, в основном, визовыми вопросами. С очень большой долей условности к инструментам культурного влияния Китая можно отнести отделения Общества российско-китайской дружбы в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. Институт Конфуция во Владивостоке, очевидно, будет играть наиболее существенную роль в продвижении китайской культуры на Дальнем Востоке России.

Косность управления сферой массовой информации выступает серьезным препятствием популяризации позитивного имиджа Китая за рубежом. Сохраняя из внутривнутриполитических соображений строгую цензуру, власти Китая лишают себя возможности обладать по-настоящему современной журналистикой, прежде всего, телевизионной, которая пользовалась бы популярностью в остальном мире, производила бы яркую картинку, привлекающую внимание зарубежных зрителей.

¹¹ Открылась совместная аспирантура // Русско-китайское коммуникационное агентство [Электронный ресурс]. – М., 2006. – 26 янв. – Режим доступа: <http://www.ruschina.com/index.php?act=news&cat=&newsid=62>.

¹² Неудахина Н. Этот обряд странен, но прижился // Наш город. – Комсомольск-на-Амуре, 2003. – 18 ноя.

Игорь Горевой, директор телекомпании «Альфа-канал» (Благовещенск): *«У нас немножко разное, вообще, построение новостей, менталитет, степень демократизации и все остальное. Потому что у них более официоз идет. Иногда легче нам отправить туда съемочную группу и снять что-то, как мы это видим».*

Екатерина Серикова, директор службы новостей ГТРК «Дальневосточная» (Хабаровск): *«Мы прошлым летом были приглашены на какую-то годовщину харбинского телевидения. Ну и как бы, в силу того, что у нас [принято], если новость состоялась, о ней нужно рассказать сегодня, в крайнем случае - завтра (это уже плохо), значит, мы попросили кассету. Ну, в принципе, вот как здесь, когда приезжают они к нам, что-то происходит, какой-то визит, мы это все снимаем. Они говорят: «Ну, а нам картиночку?». Да ради бога, родные. <...> А там что? Ну, концерт. Большой концерт, грандиозный. <...> Значит, говорим им: «Картинку?». Пауза такая: «Нужно согласовать». Пока там делегация наша два дня находилась, они согласовывали. Потом радостно говорят: «Все нормально, все решено». Мы говорим: «Ну, кассеточку. Нам вот Ди-Ви-Кам бы. Вот, нормально, в «цифре». Они говорят: «Ну, мы вам пришлем». Мы говорим: «Когда?». Они: «В декабре». <...> А юбилей был в июне».*

Постоянной проблемой региональной журналистики в России является бедность информационных поводов, поэтому для внешнего актора чрезвычайно важно и вполне по силам принимать участие в их формировании. Но авторитарный контроль над собственными средствами массовой информации не позволяет китайской стороне наладить адекватное взаимодействие с российскими журналистами, большинство из которых относятся к Китаю без особой приязни. Учитывая опыт СССР, есть все основания предполагать, что жесткая управленческая система не позволяет соответствующим китайским представителям оперативно и гибко реагировать на текущие события. Приведем пример из личного опыта: в 2006 году в ходе исследования «Общественное мнение Дальнего Востока о внешней политике и международных отношениях РФ»

одному из авторов настоящей статьи дали интервью три официальных японских представителя (Нацуи Сигэо, Такаси Осанаи, Мацумура Эйдзи); от китайского консульства на просьбу об интервью никакой реакции не последовало.

С объявлением Года России в Китае и Года Китая в России позитивных материалов о китайской культуре в дальневосточных СМИ прибавилось. В частности, ведущая приморская газета «Владивосток» открыла соответствующую рубрику, где рассказывалось о мероприятиях, проводимых российской стороной в Китае, о китайцах и русских, работающих во имя дружбы между нашими народами, а также простые заметки о культуре и традициях соседней страны. Однако и здесь параллельно находилось место для выпадов в адрес Китая, вроде перепечатки из «Газета.Ру»: *«По всем прогнозам демографов, к 2030 году китайцы станут вторым или третьим этносом в России – весь вопрос в том, опередят ли они к тому времени по численности российских татар или сделают это чуть позже. <...> Что касается китайцев, Россию едва ли устроит появление на российском Дальнем Востоке отдельной китайской республики, реальной или виртуальной»*¹³.

В остальное время дальневосточные СМИ охотно публикуют сообщения о пограничных инцидентах, задержании китайских браконьеров и контрабандистов, нелегальных мигрантах, некачественных товарах. Федеральные журналисты действуют в аналогичном ключе. Виктор Ларин, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: *«Китайцев обвиняют во всех грехах. Сколько можно это публиковать? Я в свое время как-то еще анализ проводил, еще по публикациям 90-х годов. Даже по названиям сразу же складывается негативный образ Китая. Ну, нельзя этого делать. Конечно, китайцы тоже не ангелы, все прекрасно знают. Но нельзя вот так страну, людей одновременно сразу взять, намазать черной краской, как у нас пресса делает.*

¹³ Век Китая в России // Владивосток. – Владивосток, 2007. – 30 марта.

<...> При желании можно предъявить нашей прессе обвинение в разжигании национальной розни, однозначно».

Из-за пассивной культурной политики, проводившейся Китаем на Дальнем Востоке России в прошлые годы, такого рода выпадам сложно что-либо противопоставить, поскольку многие стереотипы прочно укоренились в общественном сознании региона. Практический опыт общения с китайцами, отнюдь не являвшимися лучшими представителями своей нации, сформировал у дальневосточников и сибиряков такие стереотипы, как «торгаши», «хитрые», «агрессивные», «грязные», «быстро плодятся». При этом население Дальнего Востока России мало осведомлено о современной китайской культуре и общественной жизни, потому что актуальная информация о стране не транслируется, а имеющийся позитив носит, как правило, лубочный характер. Китай, в силу длительности своей культурной традиции, разумеется, располагает большим набором положительных маркеров (Шелковый путь, Великая стена, Конфуций и т.п.). Но почти все они относятся к прошлому, в то время как современные носят, за редким исключением, негативную окраску и требуют значительных пропагандистских усилий по их преодолению.

В случае Дальнего Востока России опросы показывают, что большинство россиян не проявляет по отношению к китайцам агрессивного отторжения, но демонстрирует склонность к дискриминации, например, в области личных близких отношений или межэтнических браков. Несмотря на преобладающее позитивное отношение к экономическому взаимодействию с Китаем и готовность к тесному сосуществованию ради прагматических целей, большая часть русских настроена против межэтнической конвергенции в форме близких личных отношений или метисации¹⁴.

В определенной мере улучшили взаимодействие китайской стороны с российской журналистикой, как это ни парадоксально, экологические катастрофы

на реке Амур в 2005 и 2006 годах. Сергей Лебедев, зам. главного редактора газеты «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск): *«Но вот после первого бензольного пятна китайцы стали более открытыми и более оперативными. То мы сами лезем в «Синьхуа», ищем какие-то сообщения, в компьютере все. А вот во время второго бензольного пятна китайское консульство, наравне уже со своими информационными агентствами (своей страны), работало по времени оперативно. То есть они довольно быстро дали информацию, ничего не скрывали: сколько чего вылилось, что это было, как это было. Ну, то есть уже открыто. По бензолу было сложнее вначале. Потом, когда это все и на межгосударственном уровне как-то устроилось более плотно, а тем более, когда вместе строили эту дамбу на протоке Казакевича, <...> там уже вообще все было проще, потому что мы и летали туда, и смотрели, и снимали без проблем. И телевидение, и наши ребята. То есть каких-то запретов уже не было».*

Анализ ведущейся зарубежными державами культурно-информационной деятельности на Дальнем Востоке России приводит к следующим выводам. В настоящее время Япония занимает лидирующие позиции в данной сфере и эффективнее остальных формирует свой положительный имидж, поскольку приступила к этой работе ранее других азиатских конкурентов, проводила ее тщательнее и тратила больший объем усилий и материальных средств. Несмотря на негативизм, обусловленный проблемой Южных Курил, в деловом и бытовом плане японцы рассматриваются жителями Дальнего Востока России как предпочтительные, в сравнении с другими соседями, зарубежные партнеры.

Китай в обозримом будущем будет пытаться улучшить свой зарубежный имидж и потеснить Японию с занимаемых ею позиций, так как на новом уровне его международных интересов подходы мелкого и среднего, «серого» и «черного» бизнеса оказываются недостаточными. На стороне Китая находится

¹⁴ Забияко А. Русские и китайцы: этническая дистанция // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты:

экономический фактор, объективная рыночная заинтересованность иностранных партнеров. Однако здесь же лежит и его слабость: в сфере внешней культурной политики китайский прагматизм препятствует организации долговременных кампаний, не дающих немедленной отдачи. В этом смысле Китай поставил свой международный авторитет в зависимость от мировой хозяйственной конъюнктуры и рискует им в случае ухудшения своих экономических показателей.

Перспективы успешного привлечения китайской культуры к решению внешнеполитических задач КНР пока туманны, но обострения культурной конкуренции Китая и Японии в России следует ожидать. Для Дальнего Востока России подобный процесс будет, скорее всего, означать усиление восточноазиатских черт в региональной культуре, поскольку регион подвергнется еще более глубокому культурному воздействию со стороны соседних держав. В практическом плане это может, среди прочего, привести к полному вытеснению из региона европейских языков (кроме английского), ориентации местной молодежи на профессиональную карьеру в восточноазиатских странах, углублению социально-экономических противоречий между регионом и федеральным центром.